

ЕКАТЕРИНА
ЗВОНЦОВА

НЕКРОМАНТКА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

КОМИЛЬФО
КОМИКСЫ И НЕ ТОЛЬКО

ЕКАТЕРИНА
ЗВОНЦОВА

НЕКРОМАНТКА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

КОМИЛЬФО
КОМИКСЫ И НЕ ТОЛЬКО

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

Иллюстрация на переплёте *трудновато* (Диана Королькова)
Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Подготовлено совместно с командой издательства «Строки»

Руководитель по контенту *Екатерина Панченко*
Ведущий редактор *Мария Логинова*
Редактор комикса *Анастасия Касаткина*

Звонцова, Екатерина.

З-43 Некромантка / Екатерина Звонцова. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-218878-7

Своенравная Шура с даром некромантии наводит ужас в провинции. Чтобы задушить её страшный талант, мать увозит девочку в монастырь. Но слухи о юной некромантке разносятся по всей Российской империи. Из заключения в обители её выкрадывает петербургский чародей, гений Ив. Молодой граф, признанный в столице, хочет пристроить Шуру на государственную службу. Что может пойти не по плану?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звонцова Е., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-218878-7

Пролог

Кричали зрители «ура!»

— **Б**раво!
Похоже на пестрый дождь: из мягкой темноты зала к ногам труппы летят розы и лилии, каллы и хризантемы, ирисы и гвоздики. Яркое многоцветье устилает подсвеченную золотом сцену, напоминающую серп луны.

— Восторг!

Склонившиеся балерины в искристых пачках — тонкие, гибкие — улыбаются самыми уголками губ. Кокетничают, артистки! Изображают подобающие «настоящему таланту» скромность и благонравие, молчат, хлопают ресницами, но поднимут счастливый щебет, едва ускользнув за кулисы, а там и потребуют шампанского с клубникой.

— На бис!

Тот, кто на поклоне занял почетное место в центре, улыбается по-другому: открыто, залихватски,

Пролог

с веселым торжеством. Даже за упавшими длинными локонами, насыщенно-темными, как абрикосовский шоколад, сверкает эта улыбка. Мальчишество! Но что ж, имеет право! Правильно говорят: как корабль назовешь, так и поплывет. И иногда это работает, даже если корабль выбрал имя сам. Очередной аншлаг в Александринке подтверждает: Гений Ив воистину гениален в театральном чародействе. Может ведь быть *приличным человеком*, когда хочет!

— Бр-раво! Бра-аво! — ревет зал.

Сотни глаз не отрываются от сияющей сцены. Сотни ладоней отбивают несложный ритм восторженной благодарности за зрелище, которое завтра обсудят за завтраком, в клубе, в конторе и на балу, кто важно раздувая щеки, а кто мечтательно улыбаясь: «Ну дивненько! Ну сказка! Озеро на сцене разлилось, и луна в воздухе висела, точно с неба достали!» «А девицы-то — взаправду лебедицы!» «В зале пахло, знаете, водой и лесными ландышами! И под ногами моими мох был вместо ковра!» «Да-да, не зря они там, в Ложе этой, хлеб едят, да хоть бы с икрой! В искусстве смыслят». А не раздобывшие билет соседи и сослуживцы будут завистливо вздыхать. И пусть луну не доставали, а девицы не отращивали ни крыльев, ни клювов. Сшитые на чистом вдохновении костюмы, виртуозные па, тонкая игра с иллюзиями там, где можно вплести их в свет и декорации. Особое убранство самого зала: балконы,

Кричали зрители «ура!»

стены, занавес — все сегодня в нежных облаках ароматных белых цветов, в пологах зелени. Прекрасный оркестр. А еще любовь к делу, куда без нее? Вот и все чародейство.

— Ах, ну какой балет! Новая постановка, а он себя снова превзошел. — Отводя от глаз бинокль, Алхимик сам не сдерживает улыбки. — Вот что значит найти свое место.

Ему ведь тоже завтра будет что подчеркнуть в беседах со всякими сомневающимися лицами — физиономиями! — разной степени начальственности. Жирной, красной, уверенной линией подчеркнуть: «А я говорил». «Еще изволите меня третировать и планы мои подрывать?» «Ни минуты не сомневался и не тревожился об успехе ни этой постановки, ни предприятия в целом».

Сомневался! Тревожился! Еще как. Но о тревогах господина Алхимика, магистра Чародейской Ложы, знать не положено никому.

Почти.

Душе его Лебедушке, все последние минуты явно наблюдавшей больше за ним, чем за триумфом Ива, принца Зигфрида и черно-белой стаи балерин, — можно. Точнее, ей попробуй только не Расскажи!

— Ты с ним так долго мучился... — Тонкая прохладная рука накрывает его руку, лежащую на перилах балкона. Сверкает алмазная россыпь: от кончиков ногтей до самого рукава, как никогда похожая скорее на изысканную перчатку, чем на результат

Пролог

волшебства, подарившего Лебедушке вторую, мерцающую ярче хрустала кожу. — Как у тебя вообще получилось его усмирить?

Она и сама видела довольно мытарств мужа с Ивом, слишком неусидчивым и непокорным для большинства призваний. Что поделаться, такая кровь — вольная; и возраст — вчерашний юнец; и нрав — ветер во плоти, зато талант какой! И Алхимик улыбается Лебедушке, за ее риторическим вопросом и теплым взглядом поверх монокля читая поздравление: «С победой. Очередной. Не последней». Но ответить он не успевает.

— Господа и барышни!

Глубокий мелодичный голос Ива взлетает над сценой и, усиленный чародейством, разносится до сводов. Сам он хлестко и грациозно распрямляется, вспыхнув красной рубашкой с кружевным воротом и щелкнув каблуками белых начищенных штиблет. Смуглая рука, вскинутая в изящном жесте «Еще минутку внимания!», творит тишину быстрее, чем сотворил бы внезапный револьверный выстрел. Публика заинтригованно смолкает, многие тянут шеи вперед, предвкушая какое-нибудь еще чудо, вроде крохотных золотистых светляков, появившихся в зале между первой и второй сценами балета.

— Словами не передать, как я благодарен за ваши аплодисменты...

Он плавно разворачивается в сторону нужного балкона и, прижав вторую руку к груди, отвечает

еще один лукавый поклон. К чему это вдруг? Явно не лести ради, лесть — не про Ива. Кажется, их с Алхимиком взгляды встречаются — на миг, прежде чем гнездо кудрей снова скрывает лицо Ива и все написанные там — коварные, не иначе! — замыслы. Значит, не наигрался. Да что же это такое, ни дня без самоуправства!

«Не дури», — мысленно умоляет Алхимик, а на лице старается хранить выражение полной невозмутимости, осведомленности и одобрения: его ведь приятель, его подчиненный, его чародей плохого не сделает. Лебедушка успокаивающе похлопывает по руке, но как-то все равно беспокойно.

— Отдельная благодарность, — почти нарапев продолжает Ив, не отводя хитрых глаз от балкона, — господину Алхимику! За *нечеловеческое* терпение с его стороны!

Ив не хуже гамельнского Крысолова заклиняет публику: еще один изящный жест — и она опять вопит, хлопает, одобрительно гудит, кто-то даже требует «многоуважаемого господина» тоже на сцену. Лебедушка отвечает благосклонной улыбкой, остается сделать так же — и приподнять руку, стараясь казаться царственным Цезарем. А не тревожной тетушкой сорванца, что все утро ангельски улыбался, обещая не шалить, а за спиной прятал не то рогатку с парой увесистых бульжников, не то дохлую кошку, которую так приятно подбросить соседке в открытое окно, лихо раскрутив за хвост.

Пролог

— Хотел бы я... — И снова что-то напевное, коварное прокрадывается в интонации Ива. И не обманет он невинным взглядом и все еще прижатой к сердцу рукой. — ...Чтобы этот чудесный вечер стал вечностью.

Сильно! Это в какую такую поэзию его понесло? Зачем ему вечное «Лебединое озеро», когда сам он ценитель куда более бодрых, скорее комедийных и приключенческих сюжетов, — если судить по количеству неприятностей и казусов, в которые ухитряется угодить и затащить других?

— Но не дай нам бог, — проникновенно заканчивает Ив, медленно отводя ладонь от сердца, — стать ее заложниками! А посему здесь мы с вами простимся.

Ну слава богу!

— Вот только...

Подождите, какое еще «вот только»? Алхимик вслед за зрителями внизу подается вперед. Ох, вот же черно-бурый лис, стой, стой сейчас же! Ив точно ловит это движение — и вот уже обе его руки опять взмываются в воздух, но это не просто жест почтения.

— Господин Алхимик!

— Так... — начинает он, но поздно. Театр заполняет налетевший ниоткуда ветер.

Так вот для чего были эти белые цветы, украсившие зал! Теперь, повинувшись смуглым пальцам Ива, они слетают со стен, с балконов, с красного бар-

Кричали зрители «ура!»

хата занавеса — отовсюду, и становится их больше и больше. Несколько секунд — и их уже вихрь, быстрый, озорной, благоухающий и неумолимо захватывающий все. Не дождик от благодарной публики, а настоящая бурная стихия. Больше, больше, больше белых цветов и лепестков: лилии, нарциссы, жасмин! За ними уже едва видно сцену, едва видно прижавших пальчики к губам восторженных балерин и довольного Ива, раскинувшего руки.

— Сидите, сидите спокойно! — безмятежно советует он из белого бурана. Невидимый ветер развеивает его волосы и полы длинного черно-зеленого плаща.

Нарциссы падают в оркестровую яму, откуда доносятся удивленные крики музыкантов и испуганно-возмущенная разноголосица их инструментов. Лилии летят в зал, нежно обнимая публику. Жасмин вьется над балконами, падая на белокурые волосы Лебедушки, по чьему лицу даже не поймешь, забавляется она или тревожится. Алхимик — определенно тревожится! В зобу дыханье сперло, как от куска прогорклого сыра, а пальцы дробью отстукивают по балкону. Вот же!

Ветер во плоти, правду сказал.

— Ах! — звенит в зале, когда белый вихрь, продолжая шириться и грозно шелестеть, устремляется еще выше. Уже увеличился втрое и не спешит останавливаться. Да откуда столько цветов, Ив их что, на дрожжах вырастил?

Пролог

— Боже! Господи! — вторят другие.

А воздух тем временем заполняет тревожный хрустальный звон: так звенят только почтенные, много всего повидавшие старинные подвески, которым не нравится соседство с беспардонными цветочными ураганами. Лязгают цепи и крепления, цветы шуршат о пологи и потолок...

— Он сейчас люстру обрушит! — восклицает кто-то, и, вскинув взгляд, Алхимик утверждает в правоте этого бедняги.

Прекрасная огромная золоченая люстра пляшет, готовая если не рухнуть в смертоносный для зрителей обморок, то рассыпаться не менее опасными обломками и осколками. И головы задирает все больше господ и дам. Кто-то пугливо повизгивает, кто-то ищет убежище под креслами, кто-то вскакивает, но убежать не решается: чародей все-таки забаву затеял, не кто попало, так мало ли, что ему взбрдет в...

— Ах, шельма! — не сдержавшись, бросает Алхимик, но что тут сделаешь? Только мысленно молить: «Не переборщи», раз дурить Ив уже начал. — Опять он...

Он там, внизу, со вскинутыми руками, ослепительный и счастливый. Алхимик всматривается в лицо, всматривается — и наконец снова ловит ответный взгляд. Лукавый. Ожидающий. Но под грозный звон с потолка не получается даже погрозить кулаком. Тем более не получается даже в мыслях до конца признать то, чего Ив явно требует.

Что вообще-то это все очень красиво. И... хорошее послание. Всем, кто боится чар.

И тут могучий вихрь, будто устав кокетничать с перепуганной старушкой-люстрой, замедляется. Отдельные цветки золотисто вспыхивают в ее сиянии — и начинают падать нежными звездами. Это разом прогоняет страх, точно ангел, пролетая мимо, снисходительно шепнул: «Да выньте вы души из пяток, не убьет, не убьет!» В зале цветы тут же ловят, а кто-то просто хлопает и кричит, замороженный зрелищем: вихрь совсем смиловивился. Истончается, удлиняется, меняет направление и, рассыпаясь на нескольких юрких змеек, устремляется прочь. Не к тому, кто его создал, — но по новому велению его вскинутых рук. Пышным ковром цветы стелются в проходы между креслами, до самых дверей и дальше, в театральные коридоры. Аромат все тот же, нежный и тонкий, и люстра висит как ни в чем не бывало, даже не качается! Только вот в волосах цветы застряли. И парочка, кажется, упала за воротник.

— Ах! Красота! — волнуется, восхищается зал.

Вряд ли найдется там барышня, которая не прихватит домой хоть один «чародейский» цветок и не уложит в альбом или медальон на счастье и на долгую память. Кому из них не захочется кусочек Одетино счастья?

Алхимик медленно вынимает пальцы изо рта. Когда только опять начал ногти грызть? Хотя

Пролог

с Ивом и его выходками можно сгрызть и руку — по локоть. И остаться совсем седым, а впрочем, о чем речь? Уже остался! Чертов... гений! Вон как сияет, красуясь, наслаждаясь всеобщими восторгами и начальственным ужасом, любуясь проделанной работой. Все с той же обаятельной улыбкой, расправив плечи и гордо тряхнув волосами, Ив на прощание напутствует публику:

— И пусть ваш путь будет мягок и нежен!.. — Он подмигивает, сверкнув ровными зубами, и кто-то из не сбежавших за кулисы балерин очарованно, влюбленно ахает. — До первой питерской лужи!

Крупная лилия, которую Ив все это время задумчиво вертел в пальцах, летит в зал.

За нее тут же начинается женская драка.

«Ничего-ничего, — мрачно думает Алхимик, наблюдая, как остальные зрители, довольные и напроць забывшие о собственных недавних криках ужаса, встают и, взбудораженно болтая, готовятся покидать театр. Барышни, дамы, да и некоторые мужчины и впрямь подбирают волшебные цветы, ползая в проходах и между креслами. — Не переборщил, но все равно мы с тобой еще серьезно об этом поговорим».

Тяжелое это дело — воспитывать и умирять чародеев на пресловутое благо родины, тем более всяких Гениев без государя-императора в голове. Ногтей не напасешься! Того и гляди утянут тебя и в мильон терзаний, и в мильон неприятностей!